

УДК 82Шолохов.06
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8 Шолохов М.А.

В.Н. Жукова

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ШОЛОХОВА В ВЫСШЕЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Часть 2

В 1-й части статьи, опубликованной в предшествующем выпуске настоящего издания, рассмотрены первые шаги изучения Шолохова в средней и высшей школе, которые пришлось на предвоенные годы. Во 2-й части статьи рассмотрены подходы к изучению творчества великого писателя в послевоенные годы – вплоть до начала XXI в. Вузовские и школьные программы послевоенного времени изменили в оценках немного, хотя касались существенного. Этап развития шолоховского литературоведения 70–80-х гг. в определенной мере повлиял на учебную литературу, но более решительно изменились оценки в 90-е гг., поскольку иными стали общественно-политические, нравственные, эстетические ценностные ориентации.

Ключевые слова: *Шолохов, образование, литературоведение, восприятие, анализ, интерпретация, изучение в школе и вузе, программы, учебники.*

Жукова Валентина Николаевна – докт. пед. наук, профессор кафедры литературы и методики преподавания Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: 8(863) 240-45-38
E-mail: sholohov-don@mail.ru

© Жукова В.Н., 2010 г.

В МГУ им. М.В.Ломоносова в 1997г. созданы Программы лекционных курсов, в частности «История русской литературы XX века» (1890–1990-е гг.) под редакцией проф. Б.С. Бугрова. Аннотация к теме «М.А.Шолохов» выделяет проблемы историзма и художественной правды, народности и гуманизма в шолоховском наследии, место первых сборников рассказов в новеллистике 20-х гг., их полемический характер, драматизм и гуманистический пафос; роль рассказов в становлении Шолохова-романиста.

В аннотации сформулирована тема романа-эпопеи «Тихий Дон», «раскрывающего историческую судьбу донского казачества на переломных этапах жизни всей нации и народа» [с. 55]. Обращается внимание на ряд новых проблем в анализе романа: «Катаклизмы социальной истории и устойчивость традиций крестьянского труда и быта... Проблема трагического в «Тихом Доне» и споры о ней в исследовательской и критической литературе... Преобразование Шолоховым реалистических традиций Л.Н.Толстого. Новаторские особенности «Тихого Дона» в воспроизведении событий и психологическом анализе, в художественной структуре и стиле; «объективность», преобладание «изображения» и особая роль контекста и подтекста...». При рассмотрении «Поднятой целины» рекомендуется обратить внимание на проблемы художественной правды, личности и истории, народа и власти в «Поднятой целине» и «Тихом Доне», на драматическое и коми-

ческое как жизненную и стилевую основу романа «Поднятая целина»; на соединение патетико-героического и комически-бытового стилистических пластов в военном («Наука ненависти», «Они сражались за Родину») и послевоенном творчестве М.А. Шолохова; рассмотреть «Судьбу человека» в контексте военной прозы 50–60 гг.

Среди создателей программы были и авторы вышедшего в 1998 г. учебного пособия для филологических факультетов университетов «История русской литературы XX века (20–90-е годы). Основные имена». Аннотация: книга «представляет собой первый том, за которым последует продолжение – «Литературный процесс» (в двух частях). Пособие призвано отразить современный научный взгляд на основные художественные ценности и тенденции развития русской литературы XX века». Работа адресовалась не только студентам: «Книга создавалась с учётом потребностей и преподавателей вузов, и аспирантов, и творчески работающих школьных учителей. Это вообще не только учебная книга, но и научное исследование» [с. 6]. Автором главы о М.А. Шолохове является ответственный редактор издания С.И.Кормилов, необычно начинающий характеристику писателя и его творчества: «Михаил Александрович Шолохов – крупнейший в русской литературе XX века прозаик-неинтеллигент... Его художественный мир демонстративно «антиинтеллигентен» [с. 367]. В главе достаточно много спорно сформулированных утверждений: «Судьба человека» названа «единственным рассказом Шолохова, имеющим очень большое литературное значение»; «Исписавшийся Шолохов подобрел (во время «оттепели». – В.Ж.) к своим ранним опытам» [с. 374]; «особое пристрастие начинающего писателя к смертельной вражде ближайших родственников демонстрирует прежде всего старания коммунистического неопита подчеркнуть своё согласие с идеей всемерного приоритета классово-идеологического начала перед кровно-родственными связями»; «недостаток произведения («Тихого Дона». – В.Ж.)... – весьма резкое противоречие между сложным содержанием, выраженным в сюжете и пластических образах романа, и прямыми авторскими декларациями, однозначными, дидактичными, порой просто примитивными... В декларациях Шолохов прямо поддерживает большевиков и осуждает любых их противников» [с. 385]; «Шолохов не показал в своём классическом произведении никакой светлой жизни» [с. 389]. «В основу сюжета («Поднятой целины». – В.Ж.) был положен конфликт явно архаичный, но объективно предваряющий будущие повсеместные поиски "врагов народа"» [Там же]. Не относясь к литературным критикам периода «перестройки», безоговорочно порицавшим «Поднятую целину» (среди таких во введении названа Н. Иванова и приведены её высказывания из статьи «И снова об учебниках...» в журнале «Знамя». 1990. № 5. С. 230: «Изучать в школе «Поднятую целину»... довольно. Я пишу об этом не в первый, не во второй, даже не в третий раз... «Поднятая целина» не обладает достойными изучения художественными свойствами. Со стороны

нравственной это произведение ущербно. Оно дезинформирует людей об одном из самых страшных преступлений двадцатого века – о коллективизации» [с. 4]. С.И. Кормилов приводит примеры оправдания романа с позиций «реальной критики», предпринимавшиеся и в 30-е гг. О рассказе «Наука ненависти» сказано: «Художественный уровень произведения ниже уровня средних из числа “Донских рассказов”» [с. 391]. Назвав заказом пожелание Сталина Шолохову в день именин 1942 г. здоровья и «нового талантливое, всеохватного романа о героях-солдатах и гениальных полководцах нынешней страшной войны», критик утверждает, что Шолохов «принял его без энтузиазма», однако ответил началом работы над романом «Они сражались за Родину». К напечатанным главам романа у С.И. Кормилова отношение преимущественно критическое (полководцы не выше полковника; действия меньше, чем разговоры; перенасыщенность глав балагурством и юмором; очевидность самоповторений; монологи – и юмористические, и патетические – нередко неправдоподобны; обилие фривольностей, правда, в речах). Послевоенная публицистика Шолохова названа насквозь официозной [с. 393].

С другой стороны, автор главы стремится к объективному подходу в оценке личности и творчества М.А. Шолохова: «Когда само слово “казак” вызывало ожесточение и мало кто представлял себе, какие они, эти казаки, Шолохов решил показать их всем не как полицейскую силу царизма, а как целый мир особых привычек, норм поведения и психологии, мир интереснейших личностей и сложнейших человеческих отношений» [с. 378]. Говоря о главной причине сомнений в авторстве «Тихого Дона» – четырёхклассном образовании Шолохова – автор главы к месту ссылается на известные факты: «что, впрочем, больше, чем у первого русского нобелевского лауреата Бунина, не говоря уже о Горьком» [с. 380], а недоброжелателям, обнаруживающим в «Тихом Доне» противоречия, неточности, приводит убедительный довод: «В “Войне и мире”, писавшейся не четырнадцать, а шесть лет, противоречий и неувязок в тексте больше» [с. 381]. Отмечается «исключительная скрупулезность» Шолохова в исторических мелочах: названы номера полков, имена их реальных командиров, точные данные о численности сражающихся; так же достоверна география действия. Но хутор Татарский, как и главные герои романа, – плод творческого воображения художника. Реализм эпопеи – в отсутствии идеализации казаков и их жизни. Шолохов показывает их сословное чванство и отчуждённость не только от «образованных», но и от «мужиков», грубость нравов. «И именно таких – грубых, простых, полуграмотных, но естественных, честных, по-своему благородных и тоже по-своему сложных, исполненных чувства справедливости и чувства собственного достоинства – любит Шолохов главных героев “Тихого Дона”. Их слабости, ошибки, заблуждения неизбежны в такой трудной и сложной жизни, а их труды и великие страдания многое искупают. В них изначально заложены прекрасные качества» [с. 387].

Возвращаясь к оценке позиций «белых» и «красных», С.И. Кормилов видит вину обеих сторон в том, что мечтающие о покое, мире, работе на земле казаки вынуждены вновь и вновь братья за оружие. Но среди большевиков для Шолохова нет такого однозначно отрицательного персонажа, как Митька Коршунов у белых. Автор главы убеждён: «Предельную объективность и общечеловеческий гуманизм автора "Тихого Дона" трудно подвергнуть сомнению» [с. 388]. Общий вывод о романе: «Широта и глубина «Тихого Дона», художественное совершенство романа-эпопеи, несмотря на приклеенную тенденцию авторских деклараций и ряд других недостатков, беспрецедентны в советской литературе и не имеют в ней аналогов. В произведении гармонично, естественно переплелись черты эпопеи, посвященной событиям, важным для всего народа, и черты социально-психологического романа, повествующего о судьбе человека» [с. 389].

Автор главы раскрывает и достоинства первой книги романа «Поднятая целина». Отметив в ней наличие крамольного для того времени материала, он видит безусловное сопереживание писателя своим героям-коммунистам: «Образы их рельефны, легко запоминаются со многими деталями, живут, подобно героям "Тихого Дона", в читательском сознании, как реальные люди» [с. 390]. Отмечаются «высокое художественное достоинство книги», «реализм характеров и поступков», которые, однако, по мнению С.И. Кормилова, парадоксально сочетаются с утопическим, нормативным осмыслением глобальных социально-исторических обстоятельств [с. 390 – 391].

Настоящей «целиной», поднятой писателем, назван в главе о М.А. Шолохове рассказ «Судьба человека»: «Здесь он (М.А. Шолохов. – В.Ж.) в своей истинной стихии: показывает в трагических обстоятельствах человека, величественного в своей простоте» [с. 394]. «Судьба человека» сравнивается с рассказом тридцатилетней давности «Чужая кровь» и с романом-эпопеей: «Как и в "Тихом Доне", в центре произведения один человек, а проблематика глобальная, общечеловеческая, и банальное заглавие рассказа разрастается до символа... Это истинный герой, но в отличие от привычного соцреалистического героя, который брал рекорды в труде и косил врагов как траву... героизм его едва ли не ярче всего проявляется в том, как он пьёт водку на пиру немецких офицеров. Это было неслыханно ново для 1956 г. "Судьба человека" – важнейшая веха на пути трансформации представлений о герое литературы, концепции личности... Значение "Судьбы человека" для последующей военной прозы (и не только военной) трудно переоценить» (с. 394).

Даже выделенные недочёты рассказа (сентиментализм, проявляемый героем гипертрофированный альтруизм, самоповторения писателя, дидактизм) оправдываются литературоведом непосредственностью, искренностью героя и художественной реалистичностью автора. Воздействие «Судьбы человека» видится автору главы и на литературу «деревенскую».

С.И. Кормилов в заключение статьи свою постоянно присутствующую концептуальную мысль о необходимости разделения Шолохова – художника и Шолохова – общественного деятеля переводит в образную форму, сравнивая его с Мишкой Кошевым: «Конечно, Михаил Шолохов как личность неизмеримо глубже, ярче, интереснее, сложнее и трагичнее, чем Мишка Кошевой». (Вспомним характеристику Кошевого в очерке В.Н. Хабина, приведённую в первой части нашей статьи, см «Изв. ЮФУ. ФН. 2010, № 2»). И хотя в предисловии данного учебного пособия автор пишет, что именно сейчас появилась возможность объективно изучать творчество людей талантливых, но отдавших щедрю дань заблуждениям своего времени (разве это не относится к любому человеку и любому времени? – В.Ж.), – суд С.И. Кормилова не милосерден: опубликовав «едва ли не самое выдающееся литературное произведение XX века» в неполных тридцать пять лет, «Шолохов потом написал немало страниц, недостойных его дарования, и в последнюю четверть века своей жизни, увенчанный всеми лаврами, почти совершенно замолчал – или говорил такое, что ложится пятном на его память... Беда Шолохова больше, чем его вина. И относиться к позднему Шолохову подобает так, как он смолodu относился к своему герою и тѣжке: с чувством сожаления о том, что суровая история сделала с достойным человеком» [с. 400].

В приведённом списке литературы С.И. Кормиловым охарактеризован каждый источник. Выделим его оценку очерка В.Н. Хабина, рассмотренного нами в первой части статьи: «Наиболее современный взгляд на творчество Шолохова в целом. Особенно подробный объективный анализ “Поднятой целины”» [с. 401]. К этому мнению можно было прислушаться в год выхода учебного пособия (1998).

Не менее сложным было положение с изучением творчества М.А. Шолохова в 90-е гг. в общеобразовательных учреждениях. Известны программы для школ с углубленным изучением литературы, гимназий и лицеев гуманитарного профиля под редакцией А.Г. Кутузова, под редакцией М.Б. Ладыгина [Программно-методические материалы. Литература. 5–11кл./ Сост. Т.А. Калганова. М., 1998].

В программе под редакцией А.Г. Кутузова роман М.А.Шолохова «Тихий Дон» попал в 11 классе в рубрику «Автор – Образ – Читатель» в теме «Советская литература 60–80-х годов XX века (обзор)». Аннотация: «Отражение трагедии гражданской войны в художественном мире романа “Тихий Дон”. Гуманизм и патриотизм романа. Образ Григория Мелехова. Своеобразие поэтики романа. Споры о романе.» Рассказ «Судьба человека» в программу не попал вовсе.

В программе под редакцией М.Б. Ладыгина «Судьбу человека» рекомендуется рассматривать дважды. В 9 классе предлагается обращать внимание на следующие вопросы: «Смысл названия. Особенности композиции. Роль образа повествователя. Героическое в произведении. Особенности реализма писателя, его художественное мастерство» [1998 г., с. 205]. В 11 классе аннотация к рассказу «Судьба челове-

ка» иная: «Патриотический пафос произведения, мастерство писателя в создании реалистического характера. Особенности композиции. Гуманизм новеллы» [с. 238].

Аннотации безлики, внеисторичны, не нацелены на достижение обучающих целей. В 11 классе рекомендуются к изучению «Донские рассказы» (1-2 по выбору учителя) и дана следующая аннотация к роману «Тихий Дон»: «Отражение трагедии гражданской войны в художественном мире романа. “Тихий Дон” как роман-эпопея. Гуманизм и патриотизм романа. Образ Григория Мелехова, его трагедия. Своеобразие поэтики романа. Литературные споры о романе».

В этих программах, на наш взгляд, недооценены значение личности писателя (отсутствует даже упоминание о необходимости обратиться к ней), роль творчества М.А. Шолохова в развитии мирового литературного процесса. Включение в аннотацию вопроса о спорах по поводу романа, даже содержание которого большинству учащихся остается неизвестным (обзорное изучение), представляется ошибочным, непедагогичным, уводящим от литературы.

Отметим еще один существенный недостаток, свойственный программе под редакцией А.Г. Кутузова: ломая сложившиеся традиции хронологического (в 5 – 9 кл.) и историко-литературного изучения творчества писателей в старших классах, коллектив учёных во главе с Кутузовым отказывается от внимания к личности художника (это касается не только Шолохова), от его творческой биографии, от связи его произведений с действительностью, что противоречит научному подходу к восприятию и изучению реалистической литературы.

Более исторична и методически совершенна программа под редакцией Т.Ф. Курдюмовой, опубликованная в том же сборнике Программно-методических материалов 1998 г. Аннотация в 9 классе при изучении темы «Михаил Александрович Шолохов» уделяется внимание личности писателя («Слово о Шолохове»). «Судьбу человека» рекомендуется рассматривать исторически: в годы Великой Отечественной войны. В 11-м классе изучение одного из романов М.А. Шолохова («Тихий Дон», «Поднятая целина») также предваряется рекомендацией обратиться к жизни, творчеству, личности писателя. Гораздо более полной является аннотация к «Тихому Дону» с упоминанием глубины постижения в романе исторических процессов, правдивого изображения Гражданской войны, женских судеб. Рекомендуется рассматривать и полемику вокруг авторства, что представляется, как сказано нами не раз, необоснованным со многих точек зрения.

В некоторых из школьных учебников 90-х гг., в частности в учебнике под редакцией В.П. Журавлёва (о чем ниже), автором статьи о М.А. Шолохове являлся В.А. Чалмаев. В его статье 1995 г. (опубликованной и в книге для учащихся старших классов «Русская литература: XX в.») взгляды Шолохова периода создания «Донских рассказов» определены как «романтика классового пристрастия, рубки, "мясничанья"» [с. 235]; «в сознании Шолохова царствовал культ насилия,

диктата, всё определял лозунг «либо – либо» [с. 238]. «Этот цикл рассказов – о них Серафимович сказал как о “степном цветке в лазоревой степи” – своего рода негативная, отрицаемая предыстория “Тихого Дона”», – утверждает Чалмаев. «А ведь этот цветок вырос на крови, часто бесчувственно не замечавшейся молодым Шолоховым» [с. 233 – 234]. Писателю «трудно скрыть власть однообразной схемы, как будто один и тот же персонаж произносит все эти уродливые фразеологические сочетания, неологизмы митингов, собраний, канцелярских документов» [с. 237]. Не замечая гуманистического смысла «Донских рассказов» (гражданская война ведёт к гибели личности, семьи, государства – остановитесь!) автор статьи не хочет понять и соответствующей ему формы, включая остроту сюжета, речевую зависимость персонажей от духа эпохи, следование его реалиям.

В романе «Тихий Дон» В.А. Чалмаев выделяет сквозные возвышенно-поэтические образы, «составляющие душу шолоховского пространства» – образы солнца, простора, песни. И движение, которое раскрывает свой главный смысл в мощных социальных изменениях, составляющих суть эпопеи. «И самое эпическое в “Тихом Доне”, – пишет автор, – не отрицаемое никем из ниспровергателей Шолохова, – это поединки с веком-волкодавом разных героев романа...» [с. 240].

Среди них – Евгений Листницкий – «рыцарь белого стана» («сейчас любопытнее всего»); Пантелей Прокофьевич Мелехов: «Старый казак не ищет путеводных звёзд, маяков в историческом просторе. Но от того всё его бытие не менее исторично, общезначимо... В сущности, мы видим трагический поединок «естественного» человека, привыкшего вить гнездо...; гибель Пантелея Прокофьевича на чужбине, вне дома, в беженском потоке – трагедия народа, разрушение основ его бытия. Ведь талант труженика был равен в нём совсем не рабскому характеру» [с. 249 – 250]. Такая оценка старого Мелехова дана в литературоведении едва ли не впервые. По-новому автор статьи посмотрел на Мирона Григорьевича Коршунова («можем уловить в речах начало справедливости»), которого раньше физической смерти убило рассказывание, уравниловка. Поединок с судьбой за дом, семью, свою любовь ведёт и Наталья. «И Наталья, и Ильинична проходят перед читателем “Тихого Дона” как героини, до конца верные материнскому призванию» (с.251).

Называя роман «Илиадой», а осажденной Троей – весь старый мир, дом Мелеховых, В.А. Чалмаев пишет о прославлении Шолоховым прекрасных людей, к которым причисляет и Григория: «Между тем этот яркий характер, всеоживляющий центр дома, целого мира хутора Татарского, нужный всем – как сын, как отец, любимейший человек, мера совестливости – поставлен в такие условия, что он весь обращён лицом к войне, к стихиям жестокости». Григорий хочет, участвуя во всех значимых событиях времени, всё понять и всё вместить. Несмотря на все сомнения и колебания, «Григорий вплоть до финальных страниц романа сохраняет высочайшую степень прозрения, интуитив-

ного различения добра и зла... Он, может быть, куда более последовательный гуманист, нежели ясные представители обоих враждующих лагерей. Отсюда... его неудобство и для тех и для других» [с. 256].

Определяя «Поднятую целину» как роман-отклик на коллективизацию, Чалмаев утверждает, что в нём «при явном сохранении мастерства произошло возвращение Шолохова – художника к опустошительным схемам «Донских рассказов» и, в известной мере, к "поэтике" насилия и ненависти» [с. 258]. Но талант сопротивлялся нормативам вульгарно-социологической эстетики, «мудрый финал "Поднятой целины" – победа таланта... косвенное свидетельство исчерпанности... поединка Половцев – Давыдов».

Незавершенный роман «Они сражались за Родину», очерки и рассказы о войне, среди которых автор статьи выделяет «Науку ненависти» (1942) и «Судьбу человека» (ошибочно назван не 1956/57, а 1960 год появления в печати), «безусловно, остаются заметным явлением в летописи Великой Отечественной войны».

Завершается статья очередным приговором: «Время вносит свои поправки в образ Шолохова – художника и человека, определяет границы его "страны-гуманизма". Рушится – и не следует жалеть об этом – образ "великого станичника", человека, изрекающего упрощенно-верные истины о важности изучения жизни, о роли передового мировоззрения, о творчестве "по указке сердца"» [с. 258 – 259].

Статья В.А.Чалмаева 1995 г. легла в основу опубликованной в учебнике для общеобразовательных учреждений «Русская литература XX века. 11 класс» (в 2 ч. Ч. 2/ под ред.В.П. Журавлёва. М., 1999). Объем обеих статей одинаков. Но во второй статье более чётко (под заголовками) представлена структура материала, что позволило автору определённое сформулировать своё отношение к анализируемым произведениям.

Так, подглавка «"Донские рассказы" и "Лазоревая степь" как новеллистическая предыстория эпопеи "Тихий Дон"» определяет место рассказов в художественном развитии писателя, что позволяет пересмотреть некоторые из оценок в первой статье («"Донские рассказы" в языковом плане активно обращены к достовернейшей просторечной народной стихии языка» [с. 181]. Основная оценка рассказов, однако, сохраняется. Отметим некоторую смягченность определений, употребленных по сравнению со статьёй 1995 г., – окончание статьи в учебнике 1999 г. звучит так: «Рушится – и не следует жалеть об этом – образ "великого станичника", человека канонической, образцовой биографии–анкеты, изрекающего упрощенно-верные истины» [с. 199]. Расширив начало статьи («Детские и юношеские годы, семейное окружение Михаила Шолохова»), В.А. Чалмаев практически повторяет свою оценку «Поднятой целины», отведя этому так же полстраницы. О романе «Они сражались за Родину» и рассказе «Судьба человека», год публикации которого снова указан ошибочно, лишь упоминается без попытки анализа. (Кстати, дед Гришака назван столетним [с. 196].

Шолохов точен: «Дед Гришака топтал землю шестьдесят девять лет» – кн. I, ч. 1, гл. XIX). Достоинство второй статьи – методический раздел, в котором приведены круг понятий и проблем, система вопросов, темы сочинений, рефератов, рекомендуемая литература с аннотациями.

Наиболее полно современное состояние изучения Шолохова с методической точки зрения представлено в работе «Шолохов в школе: книга для учителя» (авт.-сост. М.А. Нянковский. М., 2001). В ней содержатся сведения о писателе и его произведениях, о донском казачестве, краткий словарь диалектных и устаревших слов, встречающихся в произведениях М.А. Шолохова, поурочное планирование, содержание уроков и оценка критиками «Донских рассказов», романов «Тихий Дон», «Поднятая целина», рассказа «Судьба человека». В книге предлагаются темы рефератов, докладов, сообщений учащихся, приведены темы сочинений, планы к ним, образцы сочинений. Рассказано о межпредметных связях истории и литературы, об экранизации произведений М.А.Шолохова, об иллюстраторах его произведений, предложены литературные игры по шолоховским произведениям, ряд тем для занятий в литературной студии.

Развитие шолоховедения конца XX в. – начала века XXI связано с подготовкой к празднованию 100-летней годовщины М.А. Шолохова. Развернувшиеся исследования по работе над академическим собранием сочинений писателя, над «Шолоховской энциклопедией», счастливое обретение черновиков «Тихого Дона» оказали несомненное влияние на содержание изучаемого в высшей и средней школе творчества М.А. Шолохова, изменили структуру и организацию процесса изучения. Наиболее распространены в это время в общеобразовательных учебных заведениях программы под редакцией Т.Ф. Курдюмовой, В.Я. Коровиной, В.В. Агеносова. В высшей школе используются учебники под ред. Н.В. Егоровой, В.В. Агеносова, Л.П. Кременцова. Остановимся на некоторых из них подробнее.

В «Русской литературе XX – начала XXI века: учебное пособие для студентов высш. учеб. заведений: в 2 т. Т. I. 1917–1940-е годы» (Л.П. Кременцов, Л.Ф. Алексеева, Т.М. Колядич и др., под ред. Л.П. Кременцова. М., 2009) авторы, упомянув о возможности использовать пособие «с учётом текущих изменений в учебных программах», выделяют в процессе развития русской литературы следующие периоды: 1917 – 1921, 1921 – 1940-е гг., 1950 – 1960-е, 1970 – 1980-е гг., литература на рубеже веков (1991 – 2007). Внутри каждого периода отдельно рассматриваются проза, поэзия, драматургия. После оценки общественной и литературной обстановки упоминаются имена писателей, сумевших передать колорит своего времени, находившихся в центре внимания читателей». Затем следуют «монографические главы о творчестве мастеров, создавших наиболее значительные и ценные произведения общечеловеческого значения». В первом и втором случае присутствует имя М.А.Шолохова. Автор монографической главы – О.В. Быстрова – рассматривает «Донские рассказы»

и «Лазоревую степь» не только как предтечу «Тихого Дона», но и как «следование складывающейся традиции изображения Гражданской войны, отражённой в произведениях И. Бабеля, А. Фадеева, А. Неверова, Л. Сейфуллиной, Л. Леонова и других» [с. 261]. Сообщив историю публикации романа «Тихий Дон», автор главы останавливается на особенностях его композиции, на связи с традициями народного творчества, отмечая, что двойной эпитафией задаёт темы первым книгам и связывает все четыре книги воедино. Самый притягательный в романе – Григорий Мелехов, чей путь – «сложный, драматичный – типичен для поисков всего казачества. Он как будто соединил в себе сложность и простоту огромного мира и непонятного времени. Образ Григория Мелехова – художественное открытие Шолохова» [с. 267]. Унаследованные им особенности мелеховского характера – честность, прямодушие, храбрость – заставляют его и в круговерти войны поступать по чести, жить по божеским законам, выбирать прямую дорогу. В главе приводятся факты давления на писателя, герой которого «должен был стать большевиком». Однако Шолохов остался верен своему художественному замыслу.

В женских характерах подчёркивается объединяющая всех «щемящая душу острота страданий» [с. 270]. Каждая из героинь характеризуется полно, с привлечением отрывков из текста.

Утверждая, что Шолохов следовал принципу неотделимости личности от истории, О.В. Быстрова указывает на следование традициям Л.Н. Толстого и считает «Тихий Дон» «своеобразным итогом определенного этапа литературного движения прозы 1920-х годов» [с. 274]. Это проявляется и в самом жанре эпопеи и в отражении разнообразных мотивов литературы этого времени, свойственных произведениям А. Серафимовича, Д. Фурманова, А. Фадеева, Л. Леонова. Автор главы приводит первые оценки романа Шолохова, развитие и крах легенды о плагиате, факты извращения текста «Тихого Дона», внесённые цензурой.

Приступая к анализу романа «Поднятая целина», О.В. Быстрова останавливается на названии: «Это метафора, которая определила содержание романа. Плуг вздыбил и опрокинул дерновину на полях хутора Гремячий Лог, а лемехом революции перепахиваются людские судьбы» [с. 277]. Первоначальное название не упоминается. Шолохов показывает людей в годы строительства при советской власти: бои отгремели, а люди снова стоят перед выбором. И речь не только о Якове Лукиче Островнове, «но и о Давыдове, который испытывает чувство одиночества и оторванности от всего живого мира», – цитирует Шолохова Быстрова. Через призму женских образов Лушки, Евдокии, Вари рассматриваются поступки и характеры коммунистов. Это подход, которого не случалось встречать в других работах о «Поднятой целине». Художественная форма романа рассматривается на уровне лексики и тропов.

Автор главы считает: «Сегодня изображение коллективизации в романе “Поднятая целина” корректируется в книгах М. Алексеева, С. Антонова, В. Белова, Б. Можаяева и других писателей» [с. 281].

Быстровой отмечена деятельность Шолохова в качестве военного корреспондента, подробнее говорится о рассказе «Наука ненависти», который «стал ступенью к созданию романа “Они сражались за Родину”» [Там же]. Все три романа, считает О.В. Быстрова, воспринимаются как трилогия, посвященная разным этапам истории и выбору, который должен делать народ и отдельный человек. «Их объединяет главный герой – Россия, Земля, Природа, ибо без них русскому человеку, донскому казаку “никак нельзя”». У рассказа «Судьба человека», продолжающего тему войны, есть и другая задача: показав столкновение личности с историей, рассказ «позволяет отобразить огромную по масштабу пережитого биографию конкретной личности, выразив в ней многострадальную судьбу всего русского народа» [с. 283]. Творчество Шолохова в целом оценивается с точки зрения провозглашенного во введении учебного пособия механизма восприятия художественной литературы (воображение, эмоции, интеллект, интуиция [с. 13]: глубина произведений Шолохова заставляет почувствовать, отозваться всей душой на происходящие события и понять мотивы и поступки героев.

В начале XXI в. появились программы под редакцией В.Я. Коровиной (2007 г.), Т.Ф. Курдюмовой (2007), программа В.В. Агеносова (2007) и др. и в соответствии с ними написанные учебники.

Не имея возможности характеризовать содержание статей о М.А. Шолохове всех используемых в средней школе в 2000 – 2010 гг. учебников, остановимся на учебнике «Литература (русская литература XX в.). 11 класс» (в 2 ч., ч.2: учеб. для общеобразоват. учреждений/ В.В. Агеносов [и др.]; под ред. В.В.Агеносова. 13-е изд., стереотип. М., 2008), тем более что не только концептуально, но структурно и фактографически он во многом идентичен статье в учебнике «История русской литературы. XX век» (в 2 ч., ч. 2: учебник для студентов вузов; авт. В.В. Агеносов и др.; под ред. В.В. Агеносова. М., 2007).

Определяя главный вклад М.А.Шолохова в художественное воплощение характера и судьбы русского человека в трагическом XX в., автор главы, В.В.Агеносов, называет большую жизнь писателя полной величественными и трагическими событиями. Кратко излагается биография, в которой упоминается «весьма неплохое, хотя и незаконченное образование, полученное в гимназии». Появление романа «Тихий Дон» принесло Шолохову мировую славу «и множество огорчений: обвинения в идеализации патриархальной деревни, в отходе от классовой непримиримости к казачеству, значительная часть которого не поддержала большевиков, породило легенду о плагиате».

В главе нашли отражение факты появления «Поднятой целины», истории с переименованием романа и отношения писателя к новому названию. Говорится об обращении М.А. Шолохова к И.В. Сталину

в апреле 1933 г. с письмом о «пытках, избиениях и надругательствах» во время хлебозаготовок. В результате на Дон была послана комиссия ЦК. Многие из арестованных и даже приговоренных к расстрелу были освобождены, а в Донской край направлены эшелоны с семенами и продовольствием. Упомянуто о деятельности Шолохова – корреспондента в годы Великой Отечественной войны, о рассказе «Наука ненависти» и публикации в 1943 – 1944 гг. глав романа «Они сражались за Родину», а в 1956 – рассказа «Судьба человека». Поскольку роману «Поднятая целина» специального места не отводится, В.В. Агеносов в кратком очерке творческого пути писателя, назвав время появления второй книги «Поднятой целины» (1960), останавливается на сопоставлении её с первой книгой: в первой части – интерес к общей «тенденции развития жизни советского крестьянства», посему – острота сюжета, массовые сцены, типичный путь крестьянина-середняка, показ главных героев преимущественно на общественной ниве, которые «побеждая и ошибаясь, всё-таки ведут народ за собой» [с. 188]; в части второй – «судьба отдельного человека из народа», вместо динамичного сюжета – подробный рассказ о тех, которые выступают носителями нравственности, а успех или неудачи коммунистов зависят от способности «понять народную мысль, следовать народной морали или нарушать её». Показан внутренний мир героев.

Перечислив награды писателя – две Золотых Звезды Героя Социалистического Труда, премии Ленинская, Государственная, Нобелевская, В.В. Агеносов считает: «Шолохов в 60 – 70-е гг. всё чаще оказывался в трагическом разладе между искренними убеждениями в правоте партийной линии и реальностью». Завершением трагедии большого художника автор главы в школьном учебнике считает сожжение рукописи романа «Они сражались за Родину».

Художественный мир писателя характеризуется отдельной подглавкой, в которой выделяется утверждение, что для всех произведений М.А. Шолохова «характерна вера в бессмертие и торжество жизни» [с. 189].

Подчеркнем установку автора главы, как и других авторов учебника, на задания и вопросы, связанные с восприятием художественных произведений писателей, предлагаемые чаще всего перед обращением к их анализу, что с методической точки зрения глубоко верно, научно, располагает к выявлению авторской позиции а не к интерпретации, что по логике не может предшествовать постижению идейно-художественного смысла произведения, но становится в современной (особенно в средней) школе едва ли ни единственной формой задания обучающимся. Это тем более желательно отметить, что В.В. Агеносов, известный литературовед, во время посещения Литературного музея в ст. Вёшенской (Шолоховские чтения-2008) высказал в нашем присутствии важную мысль: «С тех пор, как я начал писать учебники, я понял, что методика – наука» (в Научно-образовательном Шолоховском центре ПИ ЮФУ это высказывание заняло видное место).

Основное внимание в главе школьного учебника под редакцией В.В. Агеносова отдано роману «Тихий Дон», с первых страниц в котором появляются «гордые, способные на большие чувства, свободолюбивые люди, труженики и воины» [с. 190]. Отступая от традиций советских писателей 20-х гг. изображать дореволюционную реальность цепью ужасов, «М. Шолохов откровенно любит казачью жизнь», за что его обвиняли критики-современники в идеализации прошлого и дали оскорбительное прозвище «подкулачника». Отрицая обвинения в идеализации, В.В. Агеносов пишет о реалистичности изображения жизни художником и формулирует шолоховские идеалы, по которым на основе народного опыта строилась история: «мирный труд, продолжение рода, единение человека с природой» [с. 191]. Им противостоит война, которая, по Шолохову, не только убивает, но и разлагает души людей. Отсюда – полное неприятие писателем любой бойни. И в первую очередь самой страшной – Гражданской войны. Настойчиво подчёркивая, что рядовые казаки, только что вернувшиеся с фронтов империалистической, войны не хотели («мысль народную» выражает эпизодический персонаж Яков Подкова), Шолохов раскрывает «политический экстремизм борющихся партий», прикрывающих истинные цели правильными словами. Называя композиционным принципом построения пятой – седьмой частей романа антитезу (мирная трудовая жизнь, круговорот природы, любовь – война, смерть, жестокость воюющих сторон), В.В. Агеносов ссылается на её конкретное использование писателем, мастерски показавшим в результате «трагедию разрушения единства народа» [с. 194]. Жестокость рождает в ответ еще большую жестокость, проявляемую и мирными жителями. Сравнение гнусных «подвигов» Мишки Кошевого с «садистскими наклонностями Митьки Коршунова» подтверждается словами Григория Мелехова: «Они одной цены...»

Однако Шолохов показывает и другие отношения, добрые чувства народа в лице женщин, матерей. Авторская позиция проявляется в их изображении (в том числе неназванной по имени старухи, матери трёх погибших казаков) и в лирических монологах и отступлениях.

Писатель утверждает приоритет жизни над смертью, созидания над разрушением всем художественным строем романа. Поражение Белого движения на Дону Шолохов связывает с изменением политики советской власти в отношении к казачеству, которому была дана возможность мирной жизни на земле.

Перечислив эпических героев в мировой литературе (которых «не так уж и много»), В.В. Агеносов отнёс к ним и Григория Мелехова, проследив продолжающиеся споры о сущности трагедии героя «Тихого Дона» (трагедия отщепенца, трагедия заблуждения, трагедия поиска абсолютной нравственной правды). Причины трагедии автор главы видит в пропасти «между стремлением человека к созиданию и разрушительными тенденциями эпохи» [с. 198]. Путь поисков Григория анализируется достаточно полно с опорой на текст, подчёркиваются

особенности, ранее не встречавшиеся в школьных учебниках (женитьба на нелюбимой – «едва ли не единственная уступка Григория ложному “порядку жизни”»); «весёлым и гладким» у красных в последние годы Гражданской войны Григорий стал, сражаясь не со своими, а находясь на польском фронте; Шолохов трижды подчёркивает, что, подобно героям русского фольклора и античного мифа, Григорий лечит боль в груди, ложась на «сырую землю»; «в финале романа утверждается то, что составляет суть гуманистической философии главного героя романа, автора, народа, человечества в XX веке» и др.).

Автор статьи учебника считает, что «национальный образ русской женщины воссоздан писателем в двух наиболее типичных ипостасях: Ильиничне и Наталье, с одной стороны, и Аксинье – с другой» [с. 201]. Первых объединяет «мудрое спокойствие хранительниц домашнего очага, продолжательниц рода, глубоко запрятанная способность к напряженной духовной жизни». Целомудрие, трудолюбие, долготерпение, великое чувство материнства, заложенное природой, отличают Наталью и «мудрую и мужественную старуху» Ильиничну, сердце которой отходчиво, не способно ненавидеть. Корни Натальи автор главы видит в Домострое и пушкинской Татьяне. Аксинья как характер противоположный близка к героиням Достоевского: она «воплощение порыва, непосредственной жизни, протеста» [с. 204]. Сравнивается Аксинья и с Катериной из «Грозы» А.Н. Островского. В показе Аксиньи отмечается изменение изобразительных средств в зависимости от развития её чувства к Григорию (от поиска индивидуального счастья до «материнской нежности»). Любовь Аксиньи трагична, как и роман в целом. Несмотря на это, он не оставляет чувства безысходности. Отец с ребенком на руках в финале – символ продолжения жизни. Еще одной причиной оптимистического восприятия В.В. Агеносов называет особую функцию природы в романе, относя это к новаторству Шолохова: «Пейзаж эпопеи составляет особый сюжет – символ жизни» [с. 205]. Анализируются многозначность и символичность названия романа, образ степи, изменения истории и отдельных судеб связываются с постоянством повторяемости в природе, что «несёт идею вечности, обновления и стабильности и, взаимодействуя с фольклорными образами Солнца, Ветра, Грозы, составляет единую картину космоса "Тихого Дона"» [с. 206]. В эпопее проявилось русское мировосприятие и традиции русской реалистической прозы: изображать жизнь в её драматизме и верить в победу добра. «Роман утверждает русскую идею всеединства жизни и её победы над смертью», - утверждает автор главы о М.А. Шолохове.

Рассказ «Судьба человека» рассматривается с учётом возраста одиннадцатиклассников, которые поймут глубину смысла названия; сочетание конкретности и монументальности, частного и общезначимого в выборе и судьбе героя; символический смысл снесённого снарядом купола храма, в котором содержатся наши военнопленные; психологически различное поведение солдата-христианина, предате-

ля Крыжнева, взводного-коммуниста, военврача и Андрея Соколова. Главный герой не только убивает предателя, но и выходит победителем из нравственного поединка с Мюллером. Ссылаясь на отмеченное другими исследователями, В.В. Агеносов говорит о том, что и в Сталинградской битве, за победу в которой пировали немцы, победил русский солдат. Заклучая анализ рассказа, автор главы вновь возвращается к гуманистическому пафосу художественного мира Шолохова, изображающего бредущих к своему Дому Отца и Сына, «и каждый из этих образов говорит о вечности жизни, о том, что пока жива в человеке способность любить, народ бессмертен» [с. 211].

Отметим богатое методическое оснащение учебника, которое способно помочь словеснику и школьникам овладеть сложным содержанием темы, до сих пор предусмотренной лишь к обзорному изучению. В учебнике приведены вопросы для повторения, задания и вопросы для самостоятельной работы, темы сочинений (сложные для школьников). Приведены аннотации к рекомендуемой литературе (11 источников).

Литература

Изучение творчества М.А.Шолохова в высшей и общеобразовательной школе. Материалы Шолоховских чтений / ред. коллегия: В.Н.Жукова, Т.О.Осипова, Л.П.Разогреева, Л.Б.Савенкова. Ростов н/Д., 2003.

История русской литературы XX века (1890 – 1990-е гг.) / под ред. Б.С. Бугрова. М., 1997.

История русской литературы XX века (20 – 90-е годы). Основные имена: учеб. пособие для филол. факультетов университетов. М., 1998.

Литература (русская литература XX века). 11 класс. : в 2 ч. Ч. 2 : учебник для общеобразовательных учреждений / В.В. Агеносов [и др.]; под ред. В.В. Агеносова. М., 2007.

Очерки истории русской литературы XX века. Вып. 1. М., 1995.

Русская литература XX века. 11 класс : в 2 ч. Ч. 2. / под ред. В.П. Журавлева. М., 1999.

Русская литература XX – начала XXI века : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений : в 2 т. Т. 1: 1917 – 1940 гг. / Л.П.Кременцов [и др.]; под ред. Л.П. Кременцова. М., 2009.

Творчество М.А.Шолохова в школьном изучении : книга для учителя / под ред. Ю.А.Дворяшина. Сургут, 2003.

Шолоховские чтения – 1997. Проблемы изучения творчества М.А.Шолохова / ответств. ред. Н.И. Глушков. Ростов н/Д., 1997.

Шолохов в школе: книга для учителя / Автор-составитель М.А.Нянковский. М., 2001.

Программы

Литература. 5 – 11 классы: программно-методические материалы. / сост. Т.А. Калганова. М., 1998.

Литература: программа общеобразовательных учреждений. 5 – 11 кл. / Т.Ф. Курдюмова, [и др.]; под ред. Т.Ф.Курдюмовой. М., 2007.

Программы лекционных курсов: «История русской литературы XX века», «Актуальные проблемы современной русской литературы» и др., подготовленные кафедрой истории русской литературы XX века филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова / ред. Б.С.Бугров. М., 1997.

Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 5 – 11 кл. / под ред. А.Г.Кутузова, Г.И.Беленького. М., 1995.

Программы общеобразовательных учебных заведений в РФ. Литература. Средняя школа / сост. Т.А.Калганова; под ред. Т.Ф.Курдюмовой. М., 1994.

Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 5 – 11 классы (Базовый уровень). 10 – 11 классы (Профильный уровень) / под ред. В.Я. Коровиной: 9-е изд. М., 2007.

Русская литература XIX – XX веков: программа для общеобразовательных учреждений. 10 – 11 классы. Базовый уровень / В.В.Агеносов, А.Н.Архангельский. М., 2007.

Сайт Педагогического института ЮФУ/Шолоховский центр кафедры литературы и МП.

РЕЦЕНЗИИ
